

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2020.28.44.024

Идейный фактор регуляции социальной активности человека**Носков Владимир Алексеевич**

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и теологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: noskov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье показывается предназначение идейных регуляторов в социальном развитии человека. Данная проблема обозначается на основе творческого прочтения гегелевской и кантовской трактовки идеи как сопряжения «идеальной» (смыслонаполняющей) и идейной (регулятивной) парадигм ее бытия соответственно. В свете идейного вакуума, поразившего современное общество, акцентировка делается на регулятивное (кантовское) предназначение идеи, в связи с чем задаются «статика» и «динамика» регулятивного бытия идеи. В первом случае характеризуются такие регулятивные проявления идеи, как идея-принцип, идея-идеал, идея-цель, а во втором обозначается, как они сменяют друг друга в качестве определенных этапов регулятивной миссии идеи. Эти этапы выступают как процесс, когда вначале идея (в качестве принципа) «варится» (формулируется) в лоне социума, затем становится культурным феноменом (в качестве идеала) и, наконец, реализуется в политике (в качестве цели). Отсюда следует, что с точки зрения линейной (рациональной) логики идея последовательно проходит стадии социализации (обнародования), аккультурации (усвоения), политизации (реализации). Предлагается дополнить линейную логику идеи ее контекстной логикой, ориентирующей на учет иррационального (религиозного) фактора. Применительно к XX в. выделяются две основные регулятивные идейные версии, выступающие в персонистской (либеральной) и социалистической (социалистической) политизированных вариантах религии, радикально отличающихся от традиционной (теоцентристской) религии. В любом случае политизированные и традиционные идейные версии религии востребуют идеалистическое (по Гегелю) «облучение» социальной реальности как атрибута духовной сущности человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Носков В.А. Идейный фактор регуляции социальной активности человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 3А. С. 224-232. DOI: 10.34670/AR.2020.28.44.024

Ключевые слова

Идея, идеальное, идейное, регуляция, политизированная религия, традиционная религия.

Введение

В эпоху, казалось бы, окончательно победившего антропоцентрического (материалистического) мировоззрения все более отчетливо (пока не актуально, а потенциально) начинает проявляться внимание к духовному «облучению» многообразных проявлений социальной активности человека. Апелляция к духовным корням связана с тем, что современное общество устало от засилья *человека-потребности* и начинает исподволь переориентироваться на *человека-идею*, осознавая, что в этом заключена высшая метафизика как гарантия приобщения человека к непреходящим ценностям и смыслам, приподнимающим его над конъюнктурой сиюминутных обстоятельств, задающим четкие перспективы социального и индивидуального развития, способствующим гармонизации отношений между обществом и личностью.

Однако ориентация на человека-идею востребует творческое прочтение самого процесса «духовного облучения», т. е. расставление соответствующих герменевтических акцентов. В первом случае имеется в виду онтологический (в смысле констатации), а во втором – деонтологический (в смысле воздействия) ракурсы развертывания потенциала духовности. Первая парадигма, как представляется, тяготеет к гегелевской традиции, а вторая – к кантовской.

Диалектика гегелевской и кантовской трактовок идеи

В рамках гегелевской парадигмы духовность означает сведение «внешнего» к «внутреннему» – тому, что олицетворяет собой *идеальность*, ибо «принадлежащее понятию духа снятие внешности есть то, что мы называли идеальностью. Все деятельности этого духа суть не что иное, как различные способы приведения внешнего к внутреннему, которое и есть сам дух, и только... через эту идеализацию... внешнего дух становится духом и есть дух [Гегель, 1977, т. 3, 19]. Идеальность в данном случае приобретает онтологический статус, т. е. существует не как проявление субъективности, а как то, что существует объективно, вне зависимости от различных проявлений активности субъекта. Это обстоятельство подчеркивает, в частности, известный советский философ Э.В. Ильенков, который обосновывает необходимость отхода от интерпретации идеального как существующего исключительно в индивидуальном сознании и поэтому противопоставляемого «объективной» материальной реальности: «теоретическая разработка категории “идеальное” была вызвана необходимостью установить, а затем и понять... различие и даже противоположность между мимолетными психическими состояниями отдельной личности... и всеобщими и необходимыми и в силу этого объективными формами знания и познания человеком существующей независимо от него действительности» [Ильенков, 1979, 129]. Итак, согласно Гегелю, идеальное своим субстанциальным основанием имеет Идею (Абсолютную идею), которая в своем саморазвитии проходит стадии логики, природы и, наконец, духа, нивелируя проблему использования, применения заложенного в ней регулятивного потенциала. Выражаясь по-другому, можно сказать, что здесь закономерным выражением идеи становится идеальное как своеобразный маркер понимания ее (идеи) «замысла», «творчества», «развития» и т. д.

Напротив, совершенно иная акцентировка просматривается в парадигме Канта, в

соответствии с которой «не идея сама по себе, а только *ее применение*¹ может быть в отношении всего возможного опыта» [Кант, 2018, 597]. Идея, таким образом, должна стать достоянием субъекта, взять на себя миссию воздействующей, регулятивной силы по отношению к нему. Но это одновременно говорит о том, что в данном случае будет востребована уже *не идеальная, а идейная ипостась идеи*, к которой будут апеллировать политические силы, претендующие (в идеологической форме) на обозначение ближайших и отдаленных перспектив развития общества и личности.

Можно сказать, что идейная заряженность общества и личности коррелируется с востребованностью соответствующих правил игры, являя собой некую закономерность. В своей работе «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет дает следующее объяснение подобной взаимозависимости: «Кто жаждет идей, должен прежде их домогаться истины и принимать те *правила игры*², которых она требует» [Ортега-и-Гассет, 1991, 323].

Эти «правила игры» принимают форму значимых для общества регуляторов, которые выполняют двойную миссию: они призваны, с одной стороны, отражать социальные запросы, укорененные в обществе, т. е. считаться с тем, *что есть*, а с другой – формировать эти запросы, укоренять их в обществе, ориентируя на то, *что должно быть*. Исходя из данного допущения выходит, что «идейное» и «идеальное» не тождественны, хотя очевидно, что эти понятия коррелируются и связаны друг с другом генетическим родством. В этом тандеме «идеальное» первично, а «идейное» вторично, ибо претензии последнего тяготеют к модусности (преходящему), а первого – к атрибутивности (непреходящему).

Необходимо четко различать, с одной стороны, концепт «идеальное», а с другой – концепт «идейное», подразумевая, что их предельное основание – «идея» – выступает в первом случае как «форма» внешних вещей, а во втором – как «императив» этих вещей. Это значит, что «нужно различать *идеальную репрезентацию* вещей и *идейное воздействие* на вещи» [Носков, 2017, 39]. Отсюда вытекает, что идея есть «форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира» [Ильичев, 1983, 201]. Речь, таким образом, идет о «расщеплении» бытия идеи на субстанциальную (с точки зрения осмысления) и регулятивную (с точки зрения воздействия) свои ипостаси, органически предполагающие друг друга и в своей совокупности задающие подлинное бытие идеи, объяснить которое можно при помощи обращения и к «гегелевской», и к «кантовской» интерпретациям данной проблемы.

Логика развертывания регулятивной ипостаси идеи

Нужно учитывать особенности текущего исторического этапа мирового развития, а именно то, что начинает набирать силу тенденция на переориентацию от востребованности «вещи» к востребованности «идеи». Уточним, что данную проблему мы обозначаем не с точки зрения поиска *некоторого регистра идей*, каждая из которых отвечает за свою «сферу» ответственности (что требует отдельного исследования), а под углом зрения *идеи вообще*, предназначение которой – с одной стороны, придавать смысл (в аспекте идеальности) различным проявлениям

---

¹ Курсив мой. – В.Н.

² Курсив мой. – В.Н.

социальной и индивидуальной активности человека, а с другой – повышать практическую эффективность (в аспекте идейности) подобной активности. Экстраполируя это на текущую историческую ситуацию, можно сказать, что идейный вакуум, поразивший современное общество, вывел на передний план проблемы: 1) «смыслового обрамления» – гарантии от распада социума на отдельные фрагменты, нивелирования стремления его составляющих к сепаратизму, идейной автаркии и исключительности; 2) «идейной целеустремленности» – гарантии четких духовных ориентиров, позволяющих творчески синтезировать ретроспективные (с ориентацией на прошлое), презентивные (с ориентацией на настоящее) и перспективные (с ориентацией на будущее) акцентировки в развитии социума. Здесь можно говорить о гегелевской и кантовской трактовках того, что олицетворяет идею – силу, отвечающую за метафизическое здоровье общества, наделяющую его принципиальными смыслами и регулятивными импульсами развития.

Поскольку предметом нашего анализа является регулятивное предназначение идеи (в качестве идейности), возникает вопрос касательно основных форм этого предназначения. Как представляется, можно обозначить следующие регулятивные формы идеи: идея-принцип, идея-идеал, идея-цель. Каждая из этих форм сообразно своей сути реализует свое регулятивное предназначение: *идея-принцип* выступает преимущественно в социальной оболочке, отвечая за «количество» – затягивание в орбиту своего влияния максимального числа участников социальной жизни; *идея-идеал* тяготеет к культурной форме, отвечая за «качество» – ценностно-смысловое наполнение социальной жизни; *идея-цель* принимает политическую форму, отвечая за «меру» – творческую комбинацию количественно-качественных характеристик ради производства и воспроизводства самой социальной жизни. Данные характеристики идеи обозначают своего рода «статику» идейного бытия, подчеркивая наличие уже сложившегося регулятивного потенциала идеи под углом зрения выявления специализации каждой из ее регулятивных форм, обозначенных выше.

Выход же на проблему *реализации* регулятивного потенциала идеи актуализирует «динамический» аспект ее бытия, или ориентирует на прояснение того, что любая идея, зародившись, проходит определенные этапы в своем становлении и развитии, вписываясь в требования некоторой логики – сути (глубинной закономерности). Поскольку суть – предельная абстракция, говорящая «обо всем» и «ни о чем», возникает необходимость в выделении конкретных форм ее выражения. Эти формы можно привязать к двум вариациям развертывания регулятивного потенциала идеи – линейной и контекстной. Расшифровка такова, что в рамках линейности доминирует логика последовательности, а в рамках контекстности – логика востребованности.

Исходя из этого, *линейная логика* подразумевает три последовательные этапа генезиса и развития идеи: артикуляцию (обнародование), интериоризацию (усвоение), актуализацию (реализацию). В данной логической цепочке каждый последующий этап не отрицает предыдущий, а включает его в себя в качестве «необходимого», «исходного», «расходного» материала. В то же время каждый из этих этапов по-своему специфицирует регулятивное бытие идеи: вначале идея (в качестве принципа) «варится» (формулируется) в лоне социума, затем становится культурным феноменом (в качестве идеала) и, наконец, реализуется в политике (в качестве цели). Иными словами, идея последовательно проходит стадии социализации (обнародования), аккультурации (усвоения), политизации (реализации). В рамках линейной

логики обозначенные выше этапы развития идеи *неизбежны*, поскольку каждый из них воплощает собой своего рода «критическую точку» в деле наращивания идеей своего онтологического статуса, или, если угодно, ее превращения в «работающий» идейный регулятор общественной жизни. Вместе с тем де-факто любая идея реализуется не по данному сценарию, поскольку социальная реальность может запустить другой, более «приземленный» сценарий реализации идеи со своими «ориентирами», «этосами», «правилами» и, соответственно, своей логикой. Иными словами, «идея, как то, что необходимо воплотить в жизнь, и идея как воплощенная в жизнь реальность, как ставшая жизнью реальность – вещи по меньшей мере разные» [Гречко, 1988, 70].

В связи с этим позволительно говорить о *контекстной логике* развития идеи, которая придает идее *реальную ипостась*, т. е. «чеканит», «манифестирует», «обрамляет» идею, способствуя, однако, тому, что теперь идея выступает в выхолощенной, редуцированной (усеченной) форме. Подобную редукцию идеи можно усмотреть в том, что на каждом из трех обозначенных выше этапов развития ее «пробивная сила» в качестве регулятора общества увеличивается, но одновременно уменьшается объем притязаний, изначально заключенных в идее. Другими словами, аутентичное (социальное) прочтение идеи с неизбежностью вначале сменяется ее ангажированным (культурным) прочтением, а затем – прагматическим (политическим) прочтением. Касательно политического прочтения идеи уместно привести мнение Н.А. Бердяева о том, что «политика, в сущности, всегда обращена назад, всегда есть реакция приспособления» [Бердяев, 2002, 242]. Вместе с тем политическая форма бытия идеи говорит о том, что идея «не умерла», а, напротив, «живет» и, следовательно, реализует свое предназначение в качестве важнейшего духовного регулятора социальных, реформ, планов, инициатив, новаций и т. д. Можно допустить, что линейная логика развития идеи – это своего рода кантовский «категорический императив», в то время как контекстная логика этого процесса может быть соотнесена с кантовским «гипотетическим императивом».

Иррациональный (религиозный) аспект социальной регуляции

Как уже отмечалось выше, идейное существует не само по себе, а проявляется через идеальное, благодаря которому оно может реализовывать свое регулятивное предназначение. Следовательно, идейная регуляция подразумевает не только прямое (как побуждение к действию), но и косвенное (как привязка регулятивной энергии к определенному идентификатору). Термин «идентификация», предложенный З. Фрейдом, означает процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, объектом. В рамках общественного развития актуализация данной проблемы равнозначна поиску той духовной (идеальной) силы, которая смогла бы объединить, сцементировать стремление к порядку, сориентировать на развитие самостоятельных начал, предотвратить «далеко идущий процесс *распада* целого на свои составные части и элементы» [Аскольдов, 1990, 25]. В этом поиске власть и общество «едины», так как отсутствие сплачивающей общей ценности (идеи) ставит под вопрос само их существование. В этом смысле они обречены на сотрудничество, ибо в случае нерешенности этой проблемы власть как упорядочивающая сила теряет способность четко обозначать перспективы обуздания стихий, коренящихся в социуме, а последний становится объектом «без названия», когда действительность предстает таковой, что граждане либо не понимают, к какому «изму» они принадлежат, либо запутываются в

многочисленных «измах». Проблема идентификации, таким образом, становится неотъемлемой частью процессов идейного регулирования индивидуальной и социальной активности, выступая в форме идеального «облучения» социальной реальности.

В свете изложенного напрашивается вывод о том, что кантовская идейная ангажированность пронизана рационалистическим духом, ибо ее цементирующим ядром является апелляция к человеку как разумному существу. Однако в этом случае как бы в тени остается иррациональный (религиозный) аспект бытия человека, который играет не менее значимую роль в его социальном становлении и развитии. Поэтому во внимание нужно принимать то, что воздействие субъекта (власти) на объект (общество) осуществляется двояко – в рациональном и иррациональном ключе. Поскольку в современных условиях рациональные идейные регуляторы (в лице идеологически оформленных идей Свободы и Справедливости) «просели», они в какой-то мере начинают замещаться иррациональными регуляторами в лице религии. Впрочем, идеологически оформленные в рационалистическом (научном) ключе идеи Свободы и Справедливости применительно к XX в. по сути играли роль *политизированных религий* – ключевых идейных регуляторов, с той, однако, оговоркой, что они выступали в секуляризованной оболочке, обещая рай «в этом мире», а не «в том мире», в одном случае в рамках персонцентризма (либерализма), а в другом – социоцентризма (социализма). Как справедливо отмечал Н.А. Бердяев, «дух научного позитивизма сам по себе не исключает никакой метафизики и никакой религиозной веры» [Бердяев, 1991, 33].

Применительно к России в советский период ее развития социоцентристская версия политизированной религии становится ключевым идейным регулятором общественных процессов. Иными словами, религия как таковая осталась с той лишь разницей, что она поменяла оболочку своего выражения, став религией не трансцендентного Бога, а имманентного Бога, воплощающего не «тот», а «этот» мир в лице «нового общества», не мир, основывающийся на индивидуальном выборе, а мир, определяющийся коллективным выбором, не мир, перед которым можно покаяться, а мир, на который можно списать все свои проблемы. Подобную практику можно назвать нигилизмом, если понимать под ним «отрицание и непризнание абсолютных (объективных) ценностей» [Франк, 1991, 159].

Впрочем, в критические моменты российской истории советского периода социоцентристская ипостась религии становилась менее ортодоксальной, т. е. более пластичной, становясь в определенной степени теоцентричной, замкнутой на апелляции к «вечным» патриотическим ценностям, в основе которых лежала идея «своего» Бога. Хрестоматийный пример – восстановление в 1943 г. по инициативе И.В. Сталина патриаршества, по сути, означавшее признание церкви в качестве одного из ключевых идентификаторов общества, т. е. в качестве метафизической (идейной) силы, подкрепляющей то, что зримо и осязаемо, – экономическую и военную мощь государства. После Великой Отечественной войны официальная власть вновь делает ставку на религию в социоцентристском обличье (в лице грядущего коммунистического общества), что до поры до времени работало в качестве мотивирующей силы и идентификационного призыва. Именно в послевоенный период развития российского общества свое предельное воплощение получает идеал, который Н.А. Бердяев обозначает так: «Коммунисты... не признают, что религия есть частное дело, дело личной совести. Наоборот, они считают, что религия есть дело самое общее, социальное» [Бердяев, 1990, 134].

Произошедшая на рубеже 1980-1990-х гг. фундаментальная встряска первооснов российского общества привела к нивелированию социоцентристской ипостаси религии и

актуализации того, что стало выступать в форме персонцентристской религии – либерализма. Однако истовая вера в магические силы, заключенные в самой природе человека, довольно скоро иссякла, ибо о себе напомнила тривиальная истина, а именно то, что человек – это не только воплощение коллективизма, альтруизма, пацифизма и других «измов» со знаком плюс, но и средоточение эгоизма, деструктивизма, цинизма и иных социально негативных качеств и свойств. А главное то, что персонцентристская религия в принципе не может играть роль ключевого идентификатора и структуратора общества, ибо она делает неотъемлемым условием своего бытия *приватное пространство*, для которого характерна не «метафизика» – высокие цели, ориентиры и идеалы, а «физика» – пронизанная духом конъюнктуры повседневность, замкнутая на партикулярных стимулах, решениях и устремлениях. В итоге либерализм как доминирующая политизированная религия 1990-х гг. утрачивает свое предназначение в качестве идейного регулятора современного общества, и на повестке опять встает вопрос о поиске новой идейной альтернативы.

Заключение

Социоцентризм и персонцентризм как политизированные идейные проекты показали свое «проседание» в качестве фундаментальных регуляторов общества, что способствовало повышению значимости теоцентристской версии идейного регулирования. Данный процесс являет собой скорее форму, не получившую пока своего содержательного наполнения, поскольку речь идет о зарождении метафизики новой эпохи. Ясно одно: ставшее модным повальное обращение к религии (в ее теоцентристской версии) воплощает скорее реакцию на текущую политическую и социальную конъюнктуру, нежели глубинные интенции культурного характера.

Поэтому политизированная религия олицетворяет одно, а традиционная религия – другое, ибо в первом случае речь идет об идейном регулировании рационалистического, а во втором – иррационалистического толка. Однако подобные подвижки – от политизированной к традиционной религии – происходят не в вакууме, а в рамках идеалистического (по Гегелю) «облучения» социальной реальности, или, выражаясь по-другому, в рамках духовной данности, которая в своем регулятивном предназначении выступает как идейная (по Канту) «отягощенность» социального самовыражения человека.

Библиография

1. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. М.: МГУ, 1990. С. 20-54.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. Харьков: Фолио, 2002. 679 с.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 24-42.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 471 с.
6. Гречко П.К. Практика человека: опыт философско-методологического анализа. М.: УДН, 1988. 152 с.
7. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128-140.
8. Ильичев Л.Ф. (ред.) Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2018. 784 с.
10. Носков В.А. К вопросу о национальной идее России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. М.: Перо, 2017. Ч. 4. С. 39-47.
11. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
12. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 153-184.

The ideological factor in the regulation of human social activity

Vladimir A. Noskov

Doctor of Philosophy,
Professor at the Department of philosophy and theology,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: noskov@bsu.edu.ru

Abstract

The article shows the purpose of ideological regulators in the social development of man. This problem is identified on the basis of creative reading of the Hegelian and Kantian interpretations of the idea as the conjugation of the “ideal” (meaningful) and ideological (regulatory) paradigms of its existence. In the light of the ideological vacuum that has struck modern society, the emphasis is on the regulatory (Kantian) purpose of the idea. In this regard, the "statics" and "dynamics" of the regulatory being of the idea are set. In the first case, regulatory manifestations of the idea are characterised, and in the second case it is indicated how they replace one another as certain stages of the regulatory mission of the idea. These stages act as a process, when at first the idea (as a principle) is “cooked” (formulated) in the bosom of society, then it becomes a cultural phenomenon (as an ideal) and, finally, is realised in politics (as a goal). From the point of view of linear (rational) logic, an idea goes through stages of socialisation (promulgation), acculturation (assimilation), politicisation (implementation). There are two main regulatory ideological versions that appear in person-centric (liberal) and sociocentric (socialist) politicised versions of religion that are radically different from traditional (theocentric) religions. In any case, the politicised and traditional ideological versions of religion will demand the idealistic (according to Hegel) "irradiation" of social reality as an attribute of man's spiritual essence.

For citation

Noskov V.A. (2020) Ideinyi faktor regulyatsii sotsial'noi aktivnosti cheloveka [The ideological factor in the regulation of human social activity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (3A), pp. 224-232. DOI: 10.34670/AR.2020.28.44.024

Keywords

Idea, ideal, ideological, regulation, politicised religion, traditional religion.

References

1. Askol'dov S.A. (1990) Religiozniy smysl russkoi revolyutsii [The religious meaning of the Russian revolution]. In: *Iz glubiny* [From the depths]. Moscow: Moscow State University, pp. 20-54.
2. Berdyaev N.A. (1991) Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda [The philosophical truth and the intellectual truth]. In: *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii* [Milestones. The intelligentsia in Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., pp. 24-42.
3. Berdyaev N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka Publ.
4. Berdyaev N.A. (2002) *Smysl tvorchestva: opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: the experience of

- justifying man]. Kharkiv: Folio Publ.
5. Frank S.L. (1991) Etika nigilizma [The ethics of nihilism]. In: *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii* [Milestones. The intelligentsia in Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., pp. 153-184.
  6. Grechko P.K. (1988) *Praktika cheloveka: opyt filosofsko-metodologicheskogo analiza* [Human practice: the experience of philosophical and methodological analysis]. Moscow: Peoples' Friendship University.
  7. Hegel G.W.F. (1817) *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. (1977) *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.*, Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.)
  8. Il'enkov E.V. (1979) Problema ideal'nogo [The problem of the ideal]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 6, pp. 128-140.
  9. Il'ichev L.F. (ed.) (1983) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
  10. Kant I. (1998) *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg. (Russ. ed.: Kant I. (2018) *Kritika chistogo razuma*. Moscow: AST Publ.)
  11. Noskov V.A. (2017) K voprosu o natsional'noi idee Rossii [On Russia's national idea]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Topical problems of the humanities and socioeconomic sciences], Part 4. Moscow: Pero Publ., pp. 39-47.
  12. Ortega y Gasset J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. The philosophy of culture]. Moscow: Iskusstvo Publ.